ского познания, нетелесную природу души и непосредственное Божественное Провидение, а также разработать метод для того, чтобы сделать науки более простыми, полезными и краткими" (1713; см.: *Беркли Д.* Сочинения. М.: Мысль, 1978. С. 249–360). Филон доказывал, что воспринимаемый нами внешний предмет состоит из идей, появляющихся в нашем сознании и являющихся Божественным произведением, однако лишение идей субъективного характера отнюдь не гарантировало объективного существования материальной субстанции, за которое ратовал Гилас.

Перевод И.В. Борисовой

ДИАНОЭМАТИКА И СТРУКТУРНЫЙ МЕТОД МАРСИАЛЯ ГЕРУ

И.И. Блауберг

Марсиаль Геру (1891–1976) – известный французский историк философии, автор фундаментальных работ, посвященных главным образом философии XVII – начала XIX вв. Геру родился в Гавре, в 1913 г. окончил Высшую педагогическую школу (Ecole Normale). Во время Первой мировой войны, получив тяжелое ранение, он оказался в плену; там и начал работу над книгой "Эволюция и структура наукоучения Фихте" (она была завершена в 1922 г., опубликована в 1930 г.). Именно этот двухтомный труд впоследствии открыл для многих его соотечественников мир фихтевской философии[1]. С 1929 г. Геру преподавал в Страсбургском университете, где в 1930 г. защитил, в качестве докторских диссертаций, книгу о Фихте и работу "Трансцендентальная философия Соломона Маймона" После окончания Второй мировой войны, в которой он тоже участвовал, Геру был профессором Сорбонны (1945–1951), а с 1951 г. до выхода на пенсию (1963) заведовал созданной им кафедрой истории и технологии философских систем в Коллеж де Франс. Долгое время он был главным редактором серии "Анализ и доказательства", издававшейся Editions Montaigne (в этой серии опубликованы и несколько его книг). Уже выйдя на пенсию, продолжал читать лекции в Высшей педагогической школе в Сен-Клу, в 1963 г. стал членом Академии

[1] Так, в 1948 г. в письме Геру М. Дюфренн вспоминал, что они с Рикёром изучали философию Фихте по его книге (см.: *Gueroult M.* Dianoématique. Livre I. Histoire de l'histoire de la philosophie. Vol. I: En Occident, des origines jusqu'à Condillac. Paris, 1984. P. 669).

моральных и политических наук. Деятельность Геру получила признание и за рубежом: он был приглашенным профессором в Свободном университете Брюсселя (1963–1964), ассоциированным членом бельгийской Королевской академии, иностранным членом баварской Академии наук.

В 1930-е годы, когда из-под пера Геру вышло несколько книг и ряд статей (в том числе и по проблемам античной философии), его внимание привлекла одна тема, которая с тех пор заняла прочное место и в его размышлениях, и в преподавании. Вырастая из практики историка философии, она стала для него предметом самостоятельного исследования, сопутствовавшего работе над книгами о конкретных философских учениях. Эта тема – историческое развитие самой истории философии как науки и выявление философского смысла данной дисциплины. Свой предмет Геру обозначил как "дианоэматика" (от др.-греч. dianoema, учение). Взгляды по этой проблеме он изложил в сочинении, так и озаглавленном: "Дианоэматика" – и состоящем из двух книг, первая из которых носит подзаголовок "История истории философии", а вторая – "Философия истории философии". Первая редакция обеих книг относится к 1933–1938 гг.; известно, что в 1939 г. коллеги Геру, французские историки философии Л. Робэн и Э. Брейе, познакомились со второй из них, очень заинтересовались ею и советовали автору довести задуманное им предприятие до конца. Над первой книгой он продолжал работать всю оставшуюся жизнь, что-то постоянно исправляя и дополняя, вторая же в дальнейшем не очень сильно изменилась. Идеи дианоэматики Геру развивал в лекциях, публичных выступлениях, статьях. В 1950-е годы он читал соответствующий курс в Коллеж де Франс, где тоже вносил в свою работу необходимые коррективы. В результате этот процесс затянулся так надолго, что автор не успел полностью подготовить свое исследование к печати; книга вторая осталась незавершенной. "Дианоэматика" была издана после смерти Геру, в 1979–1988 гг., стараниями его ученицы Жинетт Дрейфус (1912–1985)[2], которая из всего обширного неопубликованного наследия Геру (включающего, среди прочего, двухтомный труд по философии Канта) отобрала для печати только это сочинение. Книга вторая увидела свет раньше; собственно, в ней и содержится суть концепции Геру, тогда как книгу первую он

[2] Ж. Дрейфус была студенткой Геру в Страсбургском университете, а затем в Клермон-Ферране, куда этот университет был переведен во время Второй мировой войны. Она – историк философии, специалист по философии Нового времени, автор работ о философии Мальбранша.

рассматривал как необходимое введение к ней. Это "введение" составляет, однако, три объемистых тома, в которых освещается развитие западной историко-философской науки: том первый охватывает период от ее истоков до Кондильяка, второй посвящен истории философии в Германии, от Лейбница до XX в., в третьем излагаются концепции французских исследователей, от Кондорсе до 30-х годов XX в.

Во введении к книге первой Геру формулирует суть заинтересовавшей его проблемы, которую он представляет в виде антиномии исторического характера существования философских учений и вневременности, внеисторичности философской истины. Для всякого исторического исследования, рассуждает автор, необходимо, чтобы его предмет обладал значимостью, которая и делает его достойным исторического интереса. Но если в "чистой" истории важна прежде всего историческая истина, т.е. выяснение того, что именно было помыслено, сделано, сказано, то в философии ситуация иная. Ведь истина, к которой стремятся философы, должна быть непреходящей; как же примирить это с чередой исторически существовавших учений, ни одно из которых не дало завершенной истины? Что тогда оправдывает, легитимирует саму историю философию, какова та значимость, которая только и делает ее наукой? Выясняется, что понятие истории философии заключает в себе два казалось бы несовместимых понятия – историю и философию, "антагонизм которых выражает антиномию двух порядков истины: исторической истины, чей объект существует во времени, и философской истины, объект которой – учение, полагающее себя как вневременное"[3]. Как примирить два эти понятия, два порядка истины? И как в этой перспективе вообще определить философскую истину?

Для того чтобы разрешить отмеченную антиномию, нужно, полагает Геру, отбросить всякие априорные концепции и исходить из конкретного факта – существования истории философии, а затем уже, в кантовском духе, переходить к выявлению условий ее возможности. Данный "факт" Геру тщательным образом исследует в трех томах первой книги "Дианоэматики", изучая становление и развитие истории философии в разных странах, выделяя разные ее этапы и особо подчеркивая те моменты, которые свидетельствовали об осознании самой имеющейся антиномии. Такое исследование, определенное им как "критическая история истории философии", носит, по его словам, двоякий, историче-

[3] Эти слова вынесены на последнюю сторону обложки трех томов, вошедших в книгу первую.

ский и философский характер, выступая, по сути, как философская история, саморефлексия философии. Она служит прологом к "трансцендентальной философии истории философии", изложенной в книге второй. Здесь Геру возвращается к основному своему вопросу, который формулируется так: само разнообразие философских учений, представленных в истории, несомненно; но как утверждают себя в качестве философий множество учений, соперничающих между собой, а часто и противоположных друг другу? Иными словами, каковы условия возможности их существования? К числу таких условий Геру относит следующие. Прежде всего, всякая философская система полагает себя как имеющую абсолютную и исключительную значимость, т.е. как единственно истинную. Эта претензия аргументируется тем, что система является подлинным образом оригинала (если в ней вообще предполагается возможность такого образа). То, что такой наивно-реалистический постулат, диктующий соотнесение учения с чем-то находящимся вне его и изначально отличным от акта философствующей мысли, в особой форме обнаруживается даже в самых идеалистических по духу доктринах, говорит, по Геру, о том, что отношение к реальности представляет собой еще одно условие возможности философии. Но именно этот реалистический постулат и является в конечном счете источником раздора между учениями, каждое из которых, опираясь на него, стремится утвердить свои абсолютные права на истинность.

Эту концепцию истины в ее традиционной когерентистской трактовке Геру подвергает критическому анализу во 2-й книге "Дианоэматики", стремясь доказать, что в такой формулировке проблема истины неразрешима: "...если истина это копия, существует таинственный скачок между копией и находящейся вне ее моделью. Следовательно, нельзя ни гарантировать точность копии, ни утверждать, что копия есть копия"[4]. Конечно, соглашается Геру, всякое учение ставит задачей понимание реальности. Но этим еще не определяется ни природа реальности, ни то, что она предшествует философствующей мысли. Если бы разные учения воспроизводили одну реальность, они были бы идентичны друг другу и определяли ее сходным образом. На деле мы видим нечто совсем обратное: многие существовавшие в истории философские концепции предлагали столь несходные, а часто противоположные друг другу трактовки реальности, что общее между ними фактически сводится к нулю. Кроме того, если миссия

[4] *Gueroult M.* Dianoématique. Livre II: Philosophie de l'histoire de la philosophie. Paris, 1979. P. 80.

философии состоит в том, чтобы давать истинный образ сути вещей, значит, подлинная реальность помещается в вещь, что "имплицитно предполагает примат вещи над философствующей мыслью"[5], т.е. пассивность, а не творчество разума.

Из всего этого, по Геру, следует, что исходная посылка об истине как образе или копии оригинала неверна; необходимо изменить позицию, принять какую-то иную концепцию истины. И эта концепция состоит в том, что у каждой философии – своя истина, но она отнюдь не заключается в соответствии учения некоей внешней и предсуществующей реальности. С этого момента слово "истина" вообще постепенно исчезает из лексикона Геру или употребляется им очень редко. Он говорит уже не об истине, а о "реальности" учений. Такое изменение терминологии очень показательно. Утверждая множественность равноправных истин, Геру видит свою задачу не в выяснении критерия истинной философии, а в установлении формальных критериев всякой реальной философии, таких как богатство определений, теоретическая самодостаточность, логическая связность и др.

Итак, каждая система есть, по Геру, особый мир со своими внутренними закономерностями, и каждый философ выстраивает, таким образом, собственную реальность. Сама философская деятельность в силу ее внутренних законов приводит к возникновению в сознании философа новой реальности как объекта для мышления, но философ рассматривает ее не как плод своей мысли, а как существующую независимо от мышления. В качестве условия возможности философии как таковой, некая неопределенная "общая реальность" представляет собой чисто формальный закон философской мысли. Содержательность и конкретную наполненность она приобретает только в самих концепциях, в акте философской мысли, "объясняющего понимания" (intellection explicative), – акте, представляющем собой "тетическое суждение" Следуя Канту, Геру "по модели синтетических суждений a priori, которые конституируют науку... задумывает тетические суждения a priori, порождающие философии"[6]. Тетические суждения, или порождающие принципы философских систем, он возводит к Идеям, коренящимся в божественном разуме, – вечным неизменным сущностям или истинам, которые открываются в философском опыте, живущем в истории.

---

[5] Ibid. P. 86.

[6] Из выступления Ф. Бруннера на заседании Французского философского общества: *Brunner F.* // Bulletin de la Société française de philosophie. 1982, avril-juin. T. LXXVI. P. 34 (Далее: Bulletin de la Société...)

Свою концепцию сам Геру называет "радикальным идеализмом"[7], полагая, что такая теория способна решить сформулированную выше антиномию истинности разных философий. Она, в отличие от "догматического идеализма" посткантианцев, а тем более всяких разновидностей реализма, вообще отказывается от иных, нежели формальные, апелляций к действительности, внеположной акту философствования. Радикальный идеализм ведет речь не об Абсолютном духе, не о каком-то неопределенном Я, порождающем Не-Я, а о конкретном философе, собственной мыслью создающем новую реальность. Правда, немецкий классический идеализм, с которым Геру часто спорил, безусловно оказал на него влияние. Не случайно к дианоэматике он пришел, исследовав учения Фихте и С. Маймона – одного из философов, прокладывавших путь от Канта к Фихте. И трактовка активности философствующей мысли у Фихте, и гегелевские представления о философских теориях как этапах реализации Абсолютной идеи, – все это отозвалось и у Геру. Но у него нет уже Абсолютной идеи, а есть множество идей, выражающих себя в конкретных актах философствования[8].

Достоинство своей концепции Геру видит в том, что она позволяет признать все значимые философские системы равноправными, избежав тем самым гегелевской трактовки их как этапов, "снимаемых" в высшем учении. Один из ведущих принципов подхода Геру – плюрализм. В этом плане он – очевидный поборник принципа различия, а не единства. Опыт, живущий в истории философии, полагает он, несоизмерим с какой-то одной системой, содержит бесконечное многообразие данных, и их оригинальность выражается в ходе времени в радикальном плюрализме, не допускающем никакого сведения к общему знаменателю. Подобное представление, по Геру, противостоит как скептицизму,

---

[7] Об этом подробнее см.: *Блауберг И.И.* Э. Брейе и М. Геру: два подхода к истории философии // История философии. 2008. № 13. Здесь мы касаемся этих проблем главным образом в связи с вопросом о методологии Геру. См. также: *Giolito C.* Pratique et fondement de la méthode en histoire de la philosophie chez Martial Gueroult // Revue de métaphysique et de morale. 2001, № 30. Автор усматривает в концепции Геру ряд внутренних противоречий и высказывает предположение, что именно осознание их помешало Геру опубликовать свою "Дианоэматику". В целом о творчестве Геру см. статьи его учеников, в том числе В. Гольдшмидта (V. Goldschmidt) и Ж. Вюйемена (J. Vuillemin) (Archiv für Geschichte der Philosophie. Berlin; New York, 1977. Bd. 55, Hft. 3).

[8] Здесь, безусловно, звучат платоновские мотивы – сам Геру ссылается при изложении своей теории на "Софиста" (см.: Dianoématique. Livre II. P. 182).

всегда видевшему в многообразии спорящих между собой философских учений аргумент в пользу собственной позиции, так и догматизму, утверждавшему возможность одной-единственной истины. Именно в таком контексте получает оправдание и история философии как наука: ведь она исследует концепции, исторический способ существования которых оказывается совместимым с признанием за каждой из них вневременной значимости.

Таким образом, дианоэматика представляет собой философию философий, или метафилософию. Ученик и последователь Геру, швейцарский историк философии Ф. Бруннер, охарактеризовал ее следующим образом: "...благодаря Геру появилось нечто, о чем до него никогда не помышляли, – поиск формальных условий возможности всякой философии в целом, т.е. подлинная критика спекулятивного разума"[9]. Признавая правомочность и вневременную ценность всякого значимого учения, Геру отрицает, однако, исключительные претензии какой-либо концепции на истинность. Многообразие философий он спасает ценой отказа от понятия истинности. Его концепцию иногда называют монадологической. Действительно, многое в ней подталкивает к такому сравнению и, вероятно, лейбницевская монадология послужила одним из истоков представлений Геру. Но монады были у Лейбница, как известно, "зеркалами вселенной", каждая из них по-своему отражала мир. У Геру же нет такого мира, такого целого, разными точками зрения на которое являлись бы философские системы. Иначе опять оказалось бы, что система определена чем-то извне, т.е. вновь заявила бы о себе та позиция, с которой Геру полемизировал.

Представление о философском учении как особой реальности, уникальном мире с собственными внутренними закономерностями легло в основу методологии, разработанной Геру. Говоря о том, что в его концепции критерий истинности учения сменяется формальными критериями его реальности, он тем самым придал этим формальным критериям – в том числе синтезу максимума определений, автономности, самодостаточности – особое значение. Они предполагают логическую связность, доказательность, рациональную обоснованность, а таким условиям удовлетворяют те учения, которые строятся как *системы*. Идеи, вечные сущности, к которым Геру возводит философии, он часто называл идеями-системами, поскольку, с его точки зрения, именно система есть то, что существует автономно, par soi, получает обоснование из самого себя, а потому и является абсолютным и вечным, недо-

[9] Bulletin de la Société... P. 57.

ступным разрушительным силам времени[10]. Значит, и философскому учению, в котором выражается идея, должно быть присуще качество системности. По мысли Геру, свойственная всякой философии претензия на понимание и объяснение реальности вынуждает ее развиваться в соответствии с определенным, по крайней мере имплицитным, логическим процессом, обусловливающим строгую взаимосвязь ее элементов. Уже в упоминавшейся выше работе о наукоучении Фихте проявилась одна черта, впоследствии ставшая отличительной для исследовательского стиля Геру: стремление постичь и представить изучаемую концепцию как органическое единство, подлинную систему, а не сумму частей. "Этот первый труд показывает, что его автор, не будучи равнодушным к проблемам эволюции и влияний, уже направляет свое внимание на системы и трудности, с которыми сталкиваются их создатели, на конфликты, угрожающие равновесию построений, и на их решение: у Фихте это конфликты разума и сердца, теоретического и практического, слова и действия"[11].

За этой работой последовали другие, в том числе о Лейбнице и Мальбранше, но в эксплицитном виде принципы своего "структурного метода" (méthode des structures) Геру сформулировал только в 1953 г., в предисловии к книге "Декарт согласно порядку доказательств" Историк философии, утверждает он здесь, должен действовать в духе Декарта, т.е. прежде всего задуматься о методе исследования. Собственно, у Декарта Геру и почерпнул принципы своей методологии; во всяком случае, излагая их, он фактически применяет к историко-философскому анализу именно те правила, которые Декарт рекомендовал использовать каждому философу. Главное из них, по Геру, – необходимость руководствоваться "порядком доказательств" (ordre des raisons), образующих в каждой философской системе четкую взаимосвязь, строго сочетающихся друг с другом. Этот порядок, строй, эту взаимосвязь и должен выявить и проанализировать историк философии, следуя изучаемому автору, причем такое следование должно быть максимально точным. Геру замечает: неважно, если в итоге его работа о Декарте окажется вполне традиционной; главное – точность, а не новизна, достигаемая любой ценой. Он с одобрением цитирует максиму своего учителя, французского историка философии В. Дельбоса: нужно "остерегаться тех мыслительных игр, которые, под предлогом выявления глубинного значения какой-то философии, с самого начала пренебрегают ее точным

---

[10] См.: Dianoématique. Livre II. P. 184–185.
[11] Bulletin de la Société... P. 38.

значением"[12]. А это точное значение вполне может быть выявлено, при условии внимательного чтения, кропотливой текстологической работы и хорошего знания всего корпуса сочинений исследуемого мыслителя. Необходимо изучать внутреннюю логику системы, строй излагаемых в ней аргументов, ее "архитектонические структуры". "Открытие таких структур капитально для изучения всякой философии, поскольку именно благодаря им конституируется ее движение в качестве *философии*, в отличие от мифа, поэмы, духовного или мистического порыва, общей научной теории или метафизических воззрений"[13]. Исследование структур, или техник доказательства, Геру назвал технологией систем (эту дисциплину он преподавал в 1950-е годы в Коллеж де Франс). Эти методологические установки Геру нашли отражение и в принятом им стиле преподавания. Его ученики сохранили в памяти лекции, на которых он разматывал перед ними нити той или иной философской системы, показывая ее необходимые взаимосвязи. "По его мнению, когда в какой-либо системе выявлялись эти необходимые отношения, больше нельзя было сказать ничего существенного ни об этой философии, ни о ее авторе"[14].

В плане методологии Геру – несомненный ригорист. Его позиция здесь отнюдь не демонстрирует того плюрализма, который отличает концепцию дианоэматики. Напротив, он исходит из того, что философская система предполагает лишь одну точную интерпретацию, когда же их дается много, это означает, что внутренняя логика системы, строй ее обоснований ускользнули от внимания исследователей. Здесь Геру тоже руководствуется словами Декарта: "...всякий раз, когда суждения двух людей об одной и той же вещи оказываются противоположными, ясно, что по крайней мере один из них заблуждается или даже ни один из них, по-видимому, не обладает знанием: ведь если бы доказательство одного было достоверным и очевидным, он мог бы так изложить его другому, что в конце концов убедил бы и его разум"[15]. По Геру, когда защищают возможность множества интерпретаций, ссылаясь при этом на темперамент исследователя, его экзистенциальную ситуацию и прочие "привходящие обстоятельства", это явное свидетельство того, что воображение взяло верх над рефлексией, рассудком. Как правило, – за исключением тех случаев, когда в роли интерпретаторов выступают крупные мыслители, чьи личные реакции нам интересны прежде всего, –

---

[12] Цит. по: *Gueroult M.* Descartes selon l'ordre des raisons. Paris, 1953. T. I. P. 9.
[13] Ibid. P. 10.
[14] Bulletin de la Société... P. 36.
[15] *Декарт Р.* Правила для руководства ума // Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 80.

нам нет дела до истины интерпретатора; читая книгу о Декарте, мы хотим узнать истину самого Декарта. Если четко следовать правилам метода, то интерпретация окажется верной.

В предисловии к "Декарту" чувствуется дух полемики: по мнению коллег Геру, в нем слышны отголоски дискуссии, на которой, очевидно, ему пришлось активно отстаивать свою позицию. Полемичность заключается здесь во вполне отчетливом противопоставлении двух методов истории философии. Высоко оценивая посвященные философии Декарта работы Жильсона, Гуйе, Лапорта, использовавших историко-критический метод, т.е. выявлявших источники учения, его трансформацию, эволюцию и т.п., Геру, однако, обосновывает правомерность и иного, предложенного им структурного метода (отмечая, что подобный метод, но в ином плане, разрабатывал Л. Брюншвик). Сформулированная им альтернатива, в свою очередь, вписывалась в рамки более широкой дискуссии, развернувшейся в 1950-е годы вокруг интерпретации философии Декарта. Как отмечает Л. Винчигуэрра, эта полемика "хорошо отражала состояние французской философии, разделенной на два лагеря – экзистенциализма и структурализма. Она столкнула, в частности, Фердинана Алкье с Марсиалем Геру. Первый, особенно в своей работе "Метафизическое открытие человека у Декарта", отстаивает "экзистенциалистское" толкование "Размышлений о первой философии", согласно которому картезианство должно быть понято исходя из опыта мышления "меня", моего "я", чье конкретное существование несводимо к мышлению... Марсиаль Геру выступил с острой критикой такого подхода, предложив обращать внимание только на аргументативный строй, исходя из которого "Размышления о первой философии" разворачивают свою строго понятийную логику. Здесь сталкиваются, таким образом, не просто два способа читать тексты, но и две философские чувствительности. По ту сторону полемики перед нами вновь возникает паскалевское противостояние "духа геометрии", верного строгости мысли (представленной в Геру), и духа чуткости, воплощенного более в Алкье, согласно которому жизнь всегда выходит за рамки, предусмотренные для нее мыслью"[16]. Эта полемика, развернувшаяся в 1955 г. в Руайомоне на конференции по философии Декарта, продолжилась и в 1970-е годы, о чем, в частности, свидетельствуют материалы проведенного в Брюсселе коллоквиума "Философия и метод"[17], на

---

[16] *Винчигуэрра Л.* Спинозистский ренессанс во Франции (1950–2000). Введение // Логос. 2007. № 2 (59). С. 10–11 (Пер. М. Маяцкого).

[17] См.: Philosophie et méthode. Actes du Colloque de Bruxelles (1972) / Ed. Ch. Perelman. Bruxelles, 1974.

котором выступали и вели дискуссии Геру, Алькье, Гуйе и другие историки философии.

Структурный метод, как полагает Геру, можно рекомендовать для изучения всякого философского учения, но в случае Декарта он просто необходим, поскольку сам автор стремится к систематичности и строгой доказательности, выстраивает свою концепцию в математическом духе. Его "философия развивается как чистая геометрия, достоверность которой проистекает из внутренней связи ее доказательств, вне какой-либо ссылки на внешнюю реальность"[18]. В двухтомном труде о Декарте Геру демонстрирует работу своего метода, исходя из того, что всякая интерпретация метафизики Декарта должна базироваться на "Размышлениях о первой философии", поскольку именно это сочинение представляет собой фундамент его учения: здесь даны главные его элементы в их истинном обосновании. Придерживаясь порядка исследования, установленного здесь Декартом, который от достоверного знания своего "я" восходит к знанию о существовании Бога, а затем – к постижению объективной значимости вначале ясных и отчетливых, потом – темных и смутных идей, Геру развертывает перед читателем сложную картину внутренних взаимосвязей Декартовой системы. В первом томе, озаглавленном "Душа и Бог", исследуются первые пять "Размышлений", во втором, "Душа и тело", – шестое, наиболее сложное из всех, где, по Геру, переплетаются много линий, тем, сочетание которых образует своего рода "философский контрапункт" всего учения: Геру специально подчеркивает, что движение мысли Декарта, вопреки распространенному мнению, не однолинейно[19]. Ф. Бруннер так отозвался о его работе: "Два тома о Декарте подтверждают виртуозность интерпретатора. В томе 2, посвященном "Шестому размышлению", на более чем 300-х страницах анализируются 20 страниц оригинала! Таким путем выясняется, что доказательства у Декарта – не столько звенья одной цепи, сколько нити ткани; что в них учитывается многообразие перспектив, областей, регистров, аспектов, равно как и изменение точек зрения, в силу чего проблемы выстраиваются в новом порядке, исчезают и возникают вновь. Философия Декарта – это фуга, контрапункт, полифония, когда за пультом органа находится Геру"[20]. А в результате своего исследования Геру приходит к выводу, который тоже, как он отмечает, противоречил привычному мнению о

---

[18] *Gueroult M.* Descartes selon l'ordre des raisons. T. I. P. 22.
[19] См.: Ibid. T. II. Paris, 1953. P. 278.
[20] Bulletin de la Société... P. 40.

Декарте как абстрактном, или абсолютном, рационалисте: в философии Декарта, видевшего в своем учении отнюдь не плод чистой спекуляции, а инструмент достижения мудрости, точнее – счастья, лицом к лицу с истиной науки утверждается истина жизни[21].

Историко-философское мастерство Геру получило высокую оценку и его современников, и исследователей более позднего поколения. Его труды отличала не только основательность и глубокая проработка материала, но и четкость изложения, последовательность мысли. Подлинным шедевром историко-философской работы современники сочли его книгу о Спинозе, которой Геру посвятил последние годы жизни. Из предполагавшихся вначале трех томов комментария к пяти частям "Этики" автор успел написать лишь два. Вот как характеризует данный труд Л. Винчигуэрра в своем подробном обзоре развития спинозоведения во Франции во второй половине XX в.: «Это произведение, прерванное смертью автора, остается и по сей день непревзойденным в своем роде. Оно возвещает новый род чтения, который, следуя за мыслителем строка за строкой, кропотливо исследует каждую деталь его явной и скрытой аргументации. Буква сочинения изучается здесь, прежде всего, чтобы восстановить внутреннюю архитектонику с помощью так называемого интерналистского метода, состоящего в объяснении мысли на основе внутреннего единства. Понять "Этику" juxta propria principia, т.е. "согласно собственным принципам" ее автора, таким было намерение Геру»[22].

На публикацию первого тома этой книги, посвященного первой части "Этики", Ж. Делёз, тоже издавший в то время книгу о Спинозе[23], откликнулся статьей "Спиноза и общий метод М. Геру" (1969), где дал высокую оценку историко-философского подхода Геру, описал ряд основных особенностей его методологии. "М. Геру, – писал он, – ввел в историю философии новый, структурно-генетический метод, разработанный им задолго до того, как структурализм добился признания в других областях. Структура определяется здесь как порядок доказательств, причем доказательства являются отличительным и порождающим

---

[21] Согласно Декарту, "философия... рассматривает метафизику и науку не как цели в себе, но как простые методы по отношению к этой наличествующей жизни, являющейся таковой лишь в силу укорененности моей души в моем теле; стало быть, она видит в них только средства для лучшего устроения моего земного счастья" (*Gueroult M.* Descartes selon l'ordre des raisons. T. II. P. 275).

[22] *Винчигуэрра Л.* Указ. соч. С. 13.

[23] *Deleuze J.* Spinoza et le problème de l'expression. Paris, 1968.

элементом соответствующей системы, подлинными философемами, которые существуют только в их отношениях друг с другом"[24]. Делёз подчеркивает, в частности, ту мысль Геру, что порядок доказательств не является чем-то скрытым, потаенным, "невысказанным"; он в эксплицитном виде содержится в системе, но как раз эту очевидную структуру труднее всего обнаружить, она редко становится предметом внимания историков идей. Заключает статью вывод о том, что именно работа Геру положила начало подлинно научному исследованию философии Спинозы.

Опубликованный недавно на русском языке отрывок из первого тома "Спинозы" Геру[25] дает представление о его исследовательском подходе. Здесь автор рассматривает и сопоставляет разные, формалистско-субъективистские и реалистские, интерпретации учения Спинозы об атрибутах, доказывая, что в них содержится целый ряд неточностей и ошибок. Поэтапно, по пунктам, анализируя эти интерпретации и "сталкивая" их с текстом "Этики", Геру вскрывает их несоответствия высказываниям Спинозы, недостаточную обоснованность, внутренние противоречия. Характерен сделанный им вывод: «Разнообразие и размах этих ошибок, упорное их повторение из десятилетие в десятилетие и вразрез с написанными черным по белому текстами, слепота стольких умов (среди которых есть и незаурядные), все это должно было вызвать... трезвый скептицизм по отношению к Истории Философии. Впрочем, легко найти причину этих ошибок: это сила предрассудка; и лекарство от них имеется в распоряжении каждого: это первая заповедь *Рассуждения о методе*: "Тщательно избегай поспешности и предвзятости" Но приходится признать, что этому самому простому из правил, несомненно, труднее всего следовать»[26]. Главный мотив исследования, проведенного здесь Геру, – именно неприятие предвзятости, заслоняющей от комментатора сам изучаемый предмет. Как видим, он остается верным урокам Декарта, избирая его советчиком и арбитром в решении историко-философских головоломок, которые сам он, впрочем, отнюдь не считает таковыми: действительно, ведь нужно "просто" неукоснительно придерживаться текста оригинала!

Однако, при всей строгости исходных установок, методология Геру несколько смягчается рядом оговорок. Хотя в предисловии к "Декарту" он полемически заострил свою позицию, сосредото-

---

[24] *Deleuze J.* Spinoza et méthode générale de M. Gueroult // Revue de métaphysique et de morale. 1969. N 4. P. 426.

[25] *Геру М.* Спор об атрибуте // Логос. 2007. № 2 (59). (Пер. М. Маяцкого.)

[26] Там же. С. 58.

чившись на точном исследовании внутренней логики системы, он не отрицал воздействия на систему исторических условий ее существования, влияния одних концепций на другие и т.п. Но он резко возражал против подхода (свойственного, к примеру, позитивизму), при котором во внешних воздействиях ищут объяснение самого учения. «...Прискорбной затеей, – писал Геру в книге о Спинозе, – является намерение свести оригинальную доктрину мыслителя к "паззлу", состоящему из кусочков, вырванных из предшествующих философских систем, потерять самобытного гения в толпе бессчетных компиляторов... Кроме несправедливости, которой подвергают автора, низводя его философию до знания низшего типа (так называемое знание первого рода), это означало бы заменить размышление классификацией карточек, понимание – ассоциацией идей, это значит предпочесть словесные аналогии смыслу, открываемому анализом сочинений, это значит насиловать тексты, чтобы они вписались в схему, в которую было априори решено их вписать»[27]. Все влияния были для него фактором безусловно вторичным, не относящимся к сути учения, выявить которую позволяет только имманентная критика.

К тому же с влияниями связана еще одна проблема. Выступая в дискуссии на коллоквиуме в Брюсселе, Геру разграничил монографическую историю философии и историю идей, которая часто представляет концепции в соответствии с ходячими интерпретациями, искажающими их смысл. Он соглашается здесь с мнением Л. Робэна о том, что влияние учений нередко бывает обусловлено именно такими неверными трактовками: «Например, влияние Декарта – это главным образом влияние ложных интерпретаций, которые ему давались... Смысловые искажения продолжаются непрерывно, повторяются из книги в книгу. В конце концов они делаются достоверным фактом. Поскольку они незаметно вторгаются между читателем и текстом, становится чрезвычайно трудно следовать наставлению Декарта "избегать предвзятости"»[28]. Именно поэтому историку философии так сложно бывает сохранять научный характер своего исследования, т.е. видеть и читать текст таким, каков он есть, опираясь на изучение "порядка доказательств", внутренних взаимосвязей, логических структур.

Использование Геру понятия "структура" может навести на мысль о его близости к структурализму. К такому сопоставлению, однако, комментаторы подходят очень осторожно, подчеркивая, что различий здесь больше, чем сходств. Общим для них

---

[27] Там же. С. 41–42.

[28] Philosophie et méthode. P. 48.

были внимание к проблемам метода, стремление к объективному исследованию, критика психологизма и субъективизма в методологии. Но для Геру не представляли самостоятельного интереса проблемы языка, бессознательного и иные темы, центральные для структурализма. Стремясь воссоздать полноту смысла философских учений посредством исследования их внутренней организации, он, как отмечалось выше, вдохновлялся прежде всего принципами классического рационализма (не случайно понятие "структура" присутствует уже в названии его первой книги, посвященной философии Фихте).

В своей методологической рефлексии Геру в явной форме поставил и попытался решить проблему, с которой так или иначе сталкивается в своей работе всякий историк философии: это принципы работы с текстом, пределы допустимого вторжения в него, за которыми вторжение переходит уже в насилие над текстом. Решение Геру, продиктованное идеалом объективности, который он неуклонно отстаивал, было сформулировано, возможно в полемических целях, весьма жестко: строго говоря, историк философии, по его мысли, вообще не является интерпретатором, поскольку, при условии точного следования методу, он дает единственно верное объяснение учения. Исходный замысел Геру едва ли можно считать осуществимым. Как справедливо замечает Л. Винчигуэрра, комментарий, при всем стремлении его автора к строгой объективности, никогда не бывает полностью свободным от толкований. Выявляя структуру текста, исследователь вынужден более или менее произвольно вторгаться в него. "Эта тенденция, несомненно, присуща самой природе комментария, поскольку, стремясь зафиксировать различные логические артикуляции определенной философской мысли, он неизбежно останавливает ее движение... Вообще, любое прочтение, ставящее задачей сделать явным неявное, подвергает себя опасности внесения объяснительных схем, скорее отвечающих заботе толкователя о связности, нежели служащих большей понятности текста"[29]. После всего того, что было сказано в XX в. об интерпретациях, позиция Геру может показаться наивной, даже безнадежно устаревшей. Однако во-первых, нельзя не согласиться с его призывом к точности, тщательности и полноте исследования. А во-вторых, нужно помнить, что рассуждения Геру прежде всего касаются именно *философских систем*, т.е. исходно содержат очень существенные ограничения. И в изучении таких систем, с их логической структурой и четким "порядком доказательств", подход Геру оказался вполне

---

[29] *Винчигуэрра Л.* Указ. соч. С. 15.

продуктивным. Еще раз процитируем Л. Винчигуэрру: «...именно с работами Геру французская история философии освободилась от зависимости перед авторитетом немецкой традиции, которой она стольким и столь долго была обязана... Комментарий Геру... изменил сам способ чтения текстов, подобных *Этике*. После него уже невозможно довольствоваться "быстрым" чтением, ставшим отныне синонимом приблизительности и спешки»[30].

Вместе с тем именно акцент, сделанный Геру на системах, вызвал у его коллег целый ряд вопросов, которые обсуждались, в частности, на прошедшем в 1982 г. заседании Французского философского общества, посвященном памяти Геру. В самом деле, если учение не носит логически выстроенного, систематического характера, в какой степени оно может быть, по Геру, зачислено в разряд философий? Можно ли тогда отнести к философии, например, концепции Ницше, Паскаля? Показателен уже тот факт, что такие вопросы возникали. Явная приверженность Геру рационалистическим учениям заставляла подозревать, что именно они являются для него философиями par excellence. Но хотя на деле, очевидно, так оно и есть, позиция Геру всё же сложнее. На упоминавшемся выше коллоквиуме в Брюсселе, сопоставляя свои идеи о структурном методе с предложенным А. Гуйе пониманием истории философии как "феноменологии метафизического духа", Геру четко сформулировал свои взгляды: "Философия является философией только потому, что она рациональна: она должна подчиняться категорическому императиву своей рациональности, который обязывает ее к доказательности. Ей поэтому необходимо любой ценой открыть способ доказательства, который позволит ей, в соответствии с ее исходным решением, утвердить последнее, продемонстрировать его плодотворность, универсализировать его так, чтобы сделать в принципе значимым для всякого разумного человеческого существа. Таким образом она должна будет выстроить этот автономный универсум мыслей, внутри которого надеется найти покой и удовлетворение разума и сердца"[31]. (Заметим – не только разума, но и сердца.) И если содержанием философии, продолжает Геру, будет тогда полагание того, что является реальностью, то формой – рациональное оправдание такого полагания, каким бы ни был инструмент, с помощью которого полагается и постигается эта реальность. Таким инструментом может быть способность познания в разных ее характеристиках (чувства, рассудок, разум), или

---

[30] Там же. С. 16.

[31] *Gueroult M.* Méthode dans l'histoire de la philosophie // Philosophie et méthode. P. 25–26.

воля, или аффективность. "Отсюда множественность путей, рациональных или иррациональных, дающих доступ к философии, отсюда призыв, который всякая философия адресует философствующему разуму, чтобы он собственными усилиями открыл ей путь, соответствующий ее велению, даже если речь идет об иррациональном пути"[32]. Итак, даже иррациональная по духу философия должна обращаться к разуму, искать способов рационального обоснования создаваемой ею реальности.

Рационалист по убеждению и по методу, выше всего ценивший в исследовании точность и скрупулезную проработку деталей, в жизни Геру не был сухим педантом. Друзья и ученики отзывались о нем как о человеке разностороннем, высокообразованном, сведущем в истории, науке и искусствах; он был хорошим пианистом и любил импровизировать, нередко в стиле немецких романтиков. И он, конечно, хорошо сознавал, что реальная работа историка философии не сводится к чисто логическим процессам: так, во вступительной лекции 1951 г. в Коллеж де Франс он говорил о том, что для историка философии "необходима проницательность, отвечающая творческому порыву. Без нее нет понимания"[33] (в этих словах о творческом порыве явно звучат бергсоновские ноты, хотя Бергсон и его концепция интуиции нередко служили Геру мишенью для критики). Это своего рода "философское чутье" вводит в текст до того, как начнется собственно исследование логических связей и аргументации, а потому оно тоже играет известную роль, помогая "заново открывать" ту реальность, которая была некогда создана изучаемым мыслителем.

Библиография основных работ М. Геру:

– L'évolution et la structure de la doctrine de la science chez Fichte: 2 vol. Paris, 1930;
– Philosophie transcendantale de Salomon Maïmon. Paris, 1930;
– Dynamique et métaphysique leibniziennes. Paris, 1934;
– Etendue et psychologie chez Malebranche. Paris, 1939;
– Descartes selon l'ordre des raisons: 2 vol. Paris, 1953;
– Nouvelles réflexions sur la preuve ontologique de Descartes. Paris, 1955;
– Berkeley. Quatre études sur la perception et sur Dieu. Paris, 1956;
– Malebranche: 3 vol. Paris, 1956–1959;
– Etudes sur Descartes, Spinoza, Malebranche et Leibniz. Paris, 1970;
– Spinoza: 2 vol. Paris, 1968, 1974;
– Etudes sur Fichte. Paris, 1979;
– Dianoématique. Livre I. Histoire de l'histoire de la philosophie: 3 vol. Paris, 1984, 1988;
– Livre II. Philosophie de l'histoire de la philosophie. Paris, 1979.

[32] Ibid. S. 27.
[33] Bulletin de la Société... P. 37.